

**ЕДИНАЯ КОНЦЕПЦИЯ «ГЕРМЕНЕВТИКИ И ЭКЗЕГЕТИКИ»
СВ. АВГУСТИНА И СЕМЬ ПРАВИЛ ТОЛКОВАНИЯ
ТИКОНИЯ АФРИКАНСКОГО**

Р. Х. Кочарян

Матенадаран им. М. Маштоца,
Республика Армения, 0009, Ереван, просп. Месропа Маштоца, 53
Поступила в редакцию 05.11.2025 г.
Принята к публикации 25.02.2026 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-2

Отцы Церкви, церковные авторы и богословы в своих трудах, посвященных толкованию Св. Писания, всегда обращались к проблеме толкования аллегорий божественного откровения и / или боговдохновенного повествования таинств божественной премудрости. В поисках понимания и интерпретации повествуемого в Писании они находили основополагающие закономерности, а также формулировали общие правила и обучающие истолкованию методы, разрабатывали целостные концепции толкования Св. Писания. В практике и культурном наследии устной и / или письменной языковой деятельности проблема сказывания истины посредством прямого или аллегорического смысла языкового выражения универсальна; она относится к самой сакральной сфере. Св. Августин следуя своей путеводной идее и принятому обязательству – разработки теории и практики понимания и истолкования аллегорий Св. Писания, размышляет над семью правилами толкования Тикония Африканского. Он переосмысливает семь правил Тикония, предлагая новую уточненную реинтерпретацию их значений и применений к аллегориям Св. Писания, в таком качестве включая их в свою герменевтическую концепцию.

Ключевые слова: аллегория, герменевтика, истина, истолкование, мудрость, откровение, понимание, правила толкования, Св. Писание, экзегетика

**Введение: культурное наследие науки и искусства
как прямосказательное и иносказательное разумение истины
бытия всего сущего (универсума)**

В святоотеческой литературе особое место занимают труды по теории толкования Св. Писания – сокровенной прямозначности и инозначности боговдохновенной нарративации, а именно премудрости божественного откровения. В поисках понимания и интерпретации истинного смысла Писания (Ориген 1993, с. 277, 280–281, 302; Sancti Aurelii Augustini 1865a, I: 1; далее цитируется как *Doc. Chr.*) вспоможением и благодатью Святого Духа они находили некие основополагающие закономерности и формулировали общие основоположения и принципы, правила и методы, обучающие толкованию, и даже разрабатывали целостные концепции толкования Св. Писания.

В культурном наследии и практике устной и / или письменной языковой деятельности проблема сказывания истины посредством прямого или аллегорического смысла языкового выражения универсальна и относится не только к божественным реалиям и самой сакральной сфере, но и к содержанию человеческой жизни. Св. Писание, повествуя и приобщая читателей к истории и смыслу божественного творения, промысла и вечного спасения, глаголет истину бытия всего сущего и человеческой духовной жизни. И посему св. Августин в своей герменевтической концепции, формулируя универсальную проблематику понимания и толкования истинного смысла Св. Писания (Doc. Chr. I: 1) с целью научения и совершенствования как читателей, так и слушателей в разумении божественной премудрости библейского откровения, обращается к проблеме понимания и истолкования прямого или аллегорического смыслов Писания. В трактате «Христианская наука» он формулирует основную проблематику своего исследования и разрабатывает общую теорию понимания и толкования самой истины библейского откровения: *«вещей божественных и спасительных»* (Doc. Chr. IV: 45). В четырех главах трактата он представляет *единую концепцию «священнописной герменевтики и экзегетики» — теорию и практику понимания и истолкования Св. Писания*, исследующую библейскую премудрость, выявляющую *истину божественного во всем сущем*, что, по сути своей, можно называть не только лишь предсказанием, но и *полнозначным первооснованием концепции «герменевтики мудрости»*.

Св. Августин в своей герменевтической концепции подчеркивает необходимость и полезность знаний *искусств и наук*, исследующих и понимающих истину всего сущего, освобождающих от суетно и суетно недопонимающих мнений (Doc. Chr. II: 29–63). Ибо *призвание человеческой мысли — в постижении и экспликации глубокого смысла и премудрости, выявляющих истину бытия всего сущего как такового*. Совместно со знаниями наук и искусств св. Августин считает необходимым и предпочтительным также и знание *языковых средств*, используемых Св. Писанием (Doc. Chr. II: 16–23) в повествуемом божественном откровении мудрости творения, провидения и спасения.

1. Определение содержания Библии согласно герменевтической концепции св. Августина

Св. Августин в трактате «Христианская наука» ставит целью создание единой теории священнописной герменевтики и экзегетики и именно толкованию обучающей общей концепции. В ней наблюдаются обоснования и принципы, основоположения и правила *общей* теории понимания и толкования Св. Писания и, следовательно, наличие *общей герменевтики*, а также конкретные положения, каноны и инструкции *специальной* теории понимания и толкования и в конечном счете наличие *экзегетики*. Философские и обще-герменевтические размышления, а также конкретно-экзегетические библейские толкования св. Августи-

на имплицитно определяют существенные дефиниции содержания Св. Писания, по сути – божественной премудрости. Содержание Писания определяется ответами на три основных вопроса:

1) Что в нем повествуется?

2) Каково оно или каковы существенные свойства того, что в нем повествуется?

3) Для чего оно в нем повествуется?

В богословских и философских, герменевтических и экзегетических трудах св. Августина содержатся определенные ответы на эти вопросы.

1. Согласно христианскому учению святых отцов и самого св. Августина Св. Писание повествует и изрекает *божественную премудрость*. Посему:

Св. Писание предстает как единосплетение боговдохновенных историй и изречений божественной премудрости.

2. В святоотеческих и августиновских экзегетических трудах, в согласии с библейским откровением, *Божье присутствие* предстает трехсоставным и триединым деянием Его любви и мудрости, а именно: *божественного творения, промысла и вечного спасения*. Соответственно:

Св. Писание – это единосплетение таинств божественной премудрости творения, промысла и вечного спасения, вещающей во всем сущем Божье и / или божественное присутствие и спасозначное воздействие.

3. В августиновской герменевтике бытие Сущее как таковое в своем бытии, то есть своему истинному призванию адекватном бытии, предстает как *взаимосоотносимое соприсутствие всех сущих*. Все сущее в целом и составляющие его каждое сущее с особенностью своей природы – «*что*» оно есть, а также бытие сущего по соответствию особенности природы сего сущего – «*как*» оно есть, соотносено с Богом. И богословие ищет, изучает и, согласно человеческой способности, постигает – понимает и интерпретирует в соприсутствии универсума с Богом. Посему и определение богословия по предмету (теоретическое):

Богословие – это наука, понимающая и интерпретирующая истину бытия всего сущего в соотношении к со-присутствию Бога.

И в соответствии с такой особенностью предмета исследования можно сформулировать также и другое определение августиновской концепции герменевтики:

Герменевтика – это наукоучение понимания и толкования библейского откровения истины бытия всего сущего в соотношении к со-присутствию Бога.

4. Св. Августин, наученный также и неоплатоновской философией, различает все сущее как *вещи божественные и человеческие*. И в своих трудах он изъясняет истину вещей божественных и человеческих (Sancti Aurelii Augustini 1865б, III: 5, 6; далее цитируется как *Contra Academ.*). Посему:

Св. Писание – есть историко-сплетение истин и смыслов бытия вещей божественных и человеческих.

В соответствии с особенностью предмета исследования определяется также и августиновская единая концепция «священнописной герме-

невтики и экзегетики», которая, стремясь к пониманию божественной премудрости, раскрывающей истину бытия всего сущего, исследует и познаёт ее через библейское откровение. В соответствии с этим можно сформулировать одинаковые существенные свойства совокупно содержащие определения и герменевтики как *общего* наукоучения толкования Св. Писания, и экзегетики — как *прикладной* теории толкования и конкретной *экзегезы* Св. Писания:

Герменевтика — это наукоучение понимания и толкования истины вещей божественных и человеческих в библейском таинство-знаменующем откровении.

Экзегетика — это прикладная теория и практика понимания и толкования истины вещей божественных и человеческих в библейском таинство-знаменующем откровении.

5. Св. Августин в «Христианской науке» целью герменевтических штудий и задачей человеческого понимания и толкования называет следующую тройку предметов:

- высшим предметом, единственно достойным любви, восхищения и духовного наслаждения, понимает самого *Бога*,
- предметом, достойным любви, духовного наслаждения и взаимопользования друг другом (Bonner 1970, p. 547–548) (но не использования и манипулирования как средством), понимает *человека и в нем — божественное начало*,
- предметом — только пригодным и полезным — рассматривает весь *остальной мир* (Doc. Chr. I: 3, 39; Кочарян 2018; 2019).

Основываясь на внутренне последовательной связи между *предметом* и *исполнением* герменевтики св. Августина, можно констатировать, что в качестве предмета герменевтического истолкования принимается *мощь и порядок бытия всего сущего как такового*, установленных благодатью божественного творения и промысла. Из августиновской экспликации трехсоставного предмета исследования библейской герменевтики как импликация следует также и содержание Св. Писания как таинство-сплетение божественных откровений истины бытия трехсоставно-сущего предмета:

Св. Писание — это сплетение таинств божественной премудрости, прямосказательно и / или иносказательно выявляющее истинное сопричастие Бога, человека и природы.

6. Св. Августин выявляет *три типа человеческого отношения* к вышеупомянутым трем родам вещей, составляющих всеобъемлющий предмет его концепции библейского толкования. Предметом высшего наслаждения, восхищения и блаженства человека является Бог, а люди — это предмет взаимовосхищения и взаимопользования во имя Бога и божественного, в них присутствующих; вещи же материального, временного и преходящего мира суть предметы только пригодные и полезные людям в достижении блаженства с Богом (Doc. Chr. I: 3, 39). Соответственно:

Св. Писание — это таинство-сплетение восхищающего и полезного духовному восхождению к премудрости.

7. Исходя из вышеупомянутого августиновского суждения о трехступенчатой структуре предмета священнописной герменевтики, библейское откровение о *присутствии вечного и временного сущего в человеческой жизни* раскрывает божественное во всем универсуме, что и освещается им всесторонне в его экзегетических трудах. Посему:

Св. Писание — это таинство-сплетение боговдохновенных откровений о Боге и божественном во всем сущем.

В соответствии с сей существенной особенностью предмета исследования определяется также и августиновская единая концепция «священнописной герменевтики и экзегетики»:

Герменевтика — это наукоучение разумения (понимания) и толкования истинного Сущего — Бога, а также истины и таинства божественного во всем сущем.

8. Св. Августин в «Христианской науке» пишет о библейских толкованиях святых отцов и церковных авторов, что они «чтением Слова Божия приобрели глубокое познание о вещах божественных и спасительных, и свое знание завещали Церкви в своих писаниях» (Doc. Chr. IV: 45). Воистину, Св. Писание, раскрывая *божественное* во всех повествуемых событиях и деяниях, согласно св. Августину, *прямозначным и / или аллегорическим* изречением премудрости своего откровения изъясняет «о вещах божественных и спасительных». А возвещение о вещах божественных в самом широком смысле не что иное как *откровение о божественном во всем сущем*. Посему:

Св. Писание — это прямосказательное и аллегорическое откровение как божественного во всем сущем, так и премудрости вечного спасения.

9. Согласно августиновской концепции толкования Св. Писание повествует, учит и призывает людей к *жизни вечной божественной мудрости* (Doc. Chr. I: 8, 9, 11), в отличие от изменчивой и временами только разумной мирской «мудрости». Соответственно:

Св. Писание — это единосплетение поучений и наставлений к духовному самосовершенствованию к благочестивой кротости и благоразумию, божественной вечной премудрой жизни и спасению.

10. В теоретико-практической теории толкования Св. Писания св. Августина содержится также и ответ на вышеупомянутый третий вопрос: для чего Библия повествует свое боговдохновенное содержание людям? Согласно августиновской концепции Св. Писание с прямосказательной и аллегорической тайнозначностью боговдохновенного откровения Божьего замысла и воли, истины и смысла божественного во всем сущем *учит и укрепляет* всех в духовной двуединой любви к Богу и ближнему (Doc. Chr. I: 39; см. также: Cosgrove 2004, p. 47), обучает и внутренне наставляет всех к пониманию и толкованию божественной премудрости, вразумляет и возвышает к совершенству. Соответственно:

Св. Писание — это поучение и наставление людей в духовной двуединой любви к Богу и ближнему, а также в совершенствовании вечной и неизменной премудростью одухотворенной человеческой жизни.

2. Божественная премудрость – интерпретируемая четырёхступенчатой внутренней упорядоченностью единого смысла

В августиновском наукоучении толкования в соответствии с особенностью предмета исследования определяется как метод – понимание и толкование, так и само обретаемое знание и вся концепция библейского толкования. Его концепция «священнописной герменевтики» – это наукоучение толкования Св. Писания, эксплицирующее правила и содержание понимания и истолкования премудрости, с прямоточностью и / или аллегорией своего вещания выявляющей истину божественного во всем сущем и обучающей человеческую природу и общежитие как духовной двуединой любви к Богу и ближнему, так и премудрости вечного спасения. При этом «в самом повествуемом и способе повествования все божественное, обоюдно и прямоточно, и инозначно выраженные таинства премудрости, должно разуметь и интерпретировать, только лишь в согласии божественной любви» (Кочарян 2021, с. 174).

Наряду с прямым смыслом аллегория повсеместно присутствует во всем универсуме человеческой жизни и культуры. Более того, можно даже утверждать, что *этот мир и сама эта жизнь тайномудрием Божьего замысла является аллегорией и, по сути, наставлением к духовному*. Св. Писание, вся история и наука, прямоточательно и / или инозначательно сообщая таинства мудрости, выявляющие истину бытия всего сущего, соотносятся к истине бытия «событий и деяний» именно не с тождественной соприродностью сему миру и сей жизни, а только лишь с отличающейся от них невещественной и бесплотной природой смысла и мудрости. Таким образом, наука, искусство и вообще вся культура предстают как символическое – прямоточное и / или аллегорическое выражение истины всего сущего и самой человеческой жизни.

Все исторические письменные источники, раскрывающие истину человеческой жизни и присутствия в ней божественного, могут выражать ими исследуемый «предмет» прямым и / или инозначательным смыслом своего мысленного выражения. А в Св. Писании и по его подобию повествуемых историях святых отцов наряду с прямым смыслом в способе повествования с необходимостью может быть использована также и аллегория в различных ее значениях: от психофизической реальности – к подлинно духовному, от видимого – к невидимому, и все это для раскрытия глубинного смысла и мудрости. Всякая возможная история не может быть рассказана и / или написана, если только не в трех типах модусов повествования: либо только в прямом, либо только в аллегорическом, либо в дуальном – прямом и аллегорическом смыслах изложения. В отношении же Св. Писания можно утверждать, что прямоточные и / или аллегорические формы повествования являются его необходимыми и существенными атрибутами, посредством которых и создаются боговдохновенные истории как таковые.

В боговдохновенных сюжетах Св. Писания повествуема истина, и посему эту истину выражающий смысл многосложен, многосодержате-

лен и единостен. В Св. Писании и подобных ему историях святых отцов познаваемый смысл, раскрывающий истину, может быть многослойным и, по сути, единым. Также и в современных исследованиях по теории и истории средневековой экзегетики констатируется присутствующее и интерпретируемое в них многосодержание и единство смысла (Lubac 1998a; 1998b; Margerie 1991a; 1991b; 1991в). В высказанном полном и едином значении мысли внутренне связано и упорядоченно содержатся прямое и аллегорическое значения, и, несомненно, «аллегорические смыслы присутствуют в тексте во внутренней связи с прямым смыслом как необходимым своим основанием» (Кочарян 2016, с. 154).

Св. Писание и подобные ему истории в сочинениях святых отцов могут подразумевать разнообразные (прямые и дословные — филологические, исторические и нравственные, а также аллегорические и чисто духовные или аналогические) значения (Гуревич 1972, с. 75—77; Шпет 1989, с. 233—234, 236—237). В своей герменевтической концепции и в экзегетических трудах св. Августин в повествовании Св. Писания констатирует четырехсмысловое единство — *исторического, аллегорического, аналогического и этиологического* (Sancti Aurelii Augustini 1865в, Caput 2: 5; далее цитируется как *De Genesi ad litteram*). Он подробно разъясняет: «*исторический*, когда речь идет о каком-то божественном или человеческом действии, *аллегорический*, когда речь понимается иносказательно, *аналогический*, когда указывается согласие Ветхого и Нового Заветов, *этиологический*, когда представляются причины слов или поступков» (De Genesi ad litteram, Caput 2: 5). Библейские нарративы и наученные ими истории средневековых авторов имплицитно подразумевают потенциал композиционного единства дословного, этиологического, аллегорического и аналогического смыслов, тем самым призывая и создавая принципиальную возможность понимания и истолкования единостного смысла и таинства премудрости, божественным замыслом наставляющих и нравственно совершенствующих, духотворящих и животворящих человеческую идентичность и общечеловечность.

3. Семь правил Тикония Африканского как таинства божественной премудрости библейского повествования

Св. Августин, следуя своей путеводной идее и принятому обязательству *разработки теории и практики понимания и истолкования Св. Писания*, размышляет над семью правилами толкования Тикония Африканского (лат. Tichonius Africanus, ум. ок. 390—400). В медиевистике уже отмечено, что Тиконий Африканский был «одним из самых интересных и оригинальных мыслителей среди латинских богословов четвертого века» (Bonner 1970, p. 554). В сочинении «О знаменитых мужах» церковного автора и богослова Геннадия Массилийского (ум. ок. 496) упоминается, что Тиконий Африканский был признан автором четырех сочинений, причем два из них вообще не сохранились. Полностью

уцелел только его трактат о правилах толкования (Tucsonius 1894; Тихоний Африканский 2014); кроме того, путем специально целенаправленного исследования и сравнения работ четырех церковных авторов и богословов была восстановлена большая часть его труда о толковании «Откровения Иоанна» (Tucsonius 2017; Тихоний Африканский 2016, с. 108–117). И можно заметить, что Тихоний в этой своей книге осуществляет последовательное применение своих семи правил толкования (Fredriksen-Landes 1982, p. 59–75; Небольсин, Матерова 2016, с. 106; Небольсин 2025, с. 15–17, 20; Robinson 2010; Andokova 2015).

В профессиональной литературе упоминается об определенном влиянии проповедей и сочинений Амбросия Медиоланского и трактата Тихония Африканского на формирование теории библейской экзегетики и герменевтики св. Августина (Bonner 1970, p. 555). Тем не менее как *мудрый не тождествен лишь чужим влияниям и не есть сумма воспринятых им влияний, а есть выбор своего сердца* (Кочарян 2016, с. 335), так и св. Августин не идентичен лишь влияниям на его духовное и интеллектуальное становление. Все эти активные воздействия, проникая в ум, душу и жизнь св. Августина сквозь горнило пламени его любви к Богу, по непостижимому и неисповедимому Божьему попечению усваивались творчески благодатной и самой Истиной просветленным суждением истинного разумения. Переосмысливающей истинной ученостью тайнозначия семи правил Тихония, он обоснованно уточняет и по-новому интерпретирует их значения и применения к аллегориям Св. Писания и лишь в таком качестве включает эти правила в свою герменевтическую концепцию.

Как и подтверждает св. Августин, Тихоний в своем трактате изложил семь правил толкования, представив их как единый ключ к разумению премудрости Св. Писания (Doc. Chr. III: 42). Согласно Тихонию, его семь правил вовсе не являются «человеческой мудростью искусства риторики», а присущи Св. Писанию. Такое понимание следует апостолу Павлу: «что и возвещаем не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святого, соображая духовное с духовным» (1Кор. 2:13), «ибо кто познал ум Господень, чтобы *мог* судить его? А мы имеем ум Христов» (1Кор. 2:16). По итоговому заключению Д. Ч. Робинсона относительно мнений медиевистов, семь правил Тихония — это не только герменевтические принципы и правила толкования, но прежде всего «по учению Святого Духа являются правилами небесной мудрости» (Robinson 2010, p. 79), которыми и сотканы глубинный смысл и структура Св. Писания ведением Святого Духа — Его вдохновением и откровением. Современные медиевисты августиновское перепонимание и переосмысление семи правил Тихония в качестве герменевтических правил Св. Писания воспринимают как искаженное понимание, в отличие от понимания и осмысления самого автора (Ibid., p. 74–76). По Ч. Канненгиссеру правила (regulae Mysticae) Тихония являются структурными принципами, присущими Св. Писанию и объективно содержащимися в нем, а толкователь своей прозорливостью обнаруживает их (Kannengiesser 1994, p. 247).

Основное суждение исследователей о том, что семиправило Тикония выражает глубинные тайнства мудрости христианского учения, полностью совпадает не только с самоинтерпретацией автора собственной теории, но, что важнее всего, точно эксплицирует саму суть его воззрений. Вместе с тем изначальное их предположение и последующее заключение о том, что семиправило по существу не является каноном лишь герменевтических правил, неточно и означает не что иное, как непонимание глубинного смысла не только дильтеевской концепции герменевтики как методологии и в ней применяемого аристотелевского основополагающего принципа соответствия *метода* глубинной существенной особенности изучаемого *предметного содержания*. А еще это означает непонимание также и глубинного смысла гадамеровской концепции философской герменевтики и в ней полноценного первооснования «*герменевтики истины*» (Кочарян 2006, с. 94, 211, 212, 217, 220) и, значит, становления ее (герменевтики) как экспликации истины бытия всего сущего, то есть «*философии истины*». А также это означает неполнозначное понимание августиновской концепции толкования. Ведь замысел и сама суть августиновской концепции библейского толкования состоит в понимании и интерпретации божественной премудрости библейского откровения, тем самым — в создании и полнозначном первоосновании «*герменевтики мудрости*» (Кочарян 2018, с. 32) как единой концепции «священнописной герменевтики и экзегетики божественной премудрости». А экспликация *истины* в Библии повествуемого откровения *Божьего замысла и воли*, с любовью благодатно воплощенной в триединстве Его деяний (творения, промысла и спасения), не означает ли раскрытие глубинных тайнств божественной мудрости? Это в свою очередь означает, что подлинное призвание и в соответствии с ним истина св. Августином понятой концепции понимания и толкования Св. Писания не что иное, как раскрытие глубинных тайнств небесной и именно божьей премудрости и, посему, становление его единой концепции «священнописной герменевтики и экзегетики божественной премудрости» в саму «христианскую науку», по сути, — к божественной премудрости восходящее богословие. Должно также понять и констатировать, что семиправило толкования Тикония в сущности, будучи фундаментальными правилами тайнств небесной, иными словами — божественной, мудрости Св. Писания, написанного под руководством Святого Духа, только в таком качестве и могут являться истинными герменевтическими правилами истолкования Писания.

По интерпретации вступительной речи Тикония (Tucconi 1894, p. 1) и умозаключению Д. Ч. Робинсона можно констатировать, что правила и наставления божественной мудрости становятся доступными и понятными только тем, кто имеет к ним духовную открытость и родство, духовную любовь, веру и надежду. Эти правила тайномудрия будучи основополагающими правилами наррации библейской истории, в согласии с промыслом и руководством Святого Духа, являются подлинными правилами понимания и интерпретации Св. Писания, боже-

ственным благоволением способствуя и обеспечивая вышеозначенным благочестивым чтецам, вдохновенным свыше, истинное понимание, а именно просветление и умудрение во Христе. Семиправило Тикония, содействуя благочестивым читателям, вместе с тем, наоборот, препятствует и сокрывает другим: безлюбовно немудрым неучам, не вдохновенным свыше, лишая возможности и не способствуя, ограждая и убеждая от (лже)понимания глубинных библейских смыслов, тем самым избавляя их от опасности искушения Писанием и Господом, ибо «раскошна (изысканна, избранна. — Р. К.) пища его» (Авв. 1, 16). По идентичной проблеме высказывается и св. Григор Наррекаци, буквально: «Осторожнее и к Писанию, ибо “Пища его — избранные”» (Григор Наррекаци 1985, гл. 72, 17–18).

Как пишет сам Тиконий в своей книге о четвертом правиле (что верно отмечает П. Брайт), для автора семи правил Св. Писание не есть риторическая речь или человеческая мудрость, а есть демонстрация силы Святого Духа (Bright 1988; Robinson 2010, p. 78). Итак, семиправило Тикония есть правила Святого Духа, тайны небесной мудрости, на основе которых и соткано Св. Писание. И сам Святой Дух направляет в просторах леса пророчеств Св. Писание, и только с помощью благодати Божией толкователь плывет по пути света и избегает ошибок (Robinson 2010, p. 78). «Толкование Св. Писания есть действие благодати, в котором только человеческое понимание открыто таинствам божественной мудрости вспоможением их Автора — Святого Духа» (Bright 1988, p. 134). Таким образом, истолкование — это одаренность толкователя благодатью Святого Духа, а герменевтика и пневматология неразрывно переплетены, и поэтому научная интерпретация есть единство со Святым Духом и дар Его благодати (Robinson 2010, p. 79). По мнению П. Брайт и ее единомышленника Д. Робинсона, книга правил Тикония — это больше чем руководство к толкованию библейских текстов, раскрывающее в себе и / или собою герменевтическую концепцию; по словам П. Брайт, это «теология герменевтики» (Bright 1988, p. 126; см. также: Robinson 2010, p. 71).

4. Теоретико-практическое переосмысление семи правил Тикония в понимании и толковании аллегорий Св. Писания в концепции герменевтики Св. Августина

Св. Августин, отмечая значимость сочинения Тикония и направляя людей на чтение этого примечательного и весьма полезного сочинения, тотчас призывает к осторожности не только из-за возможных ошибок, действительно допущенных автором по причине человеческого несовершенства, но и предостерегая их от воздействия множества высказываний в духе донатизма (Doc. Chr. III: 43). Выражая несогласие с Тиконием в претензиях самодостаточности его концепции «семиправил» в толковании Св. Писания и переизлагая их в своем трактате, он выверяет и переинтерпретирует их значение и применение, лишь в таком качестве включая их в свою концепцию понимания и истолкования.

В трактате Тикония Африканского «Книга о семи правилах изучения и раскрытия смысла Св. Писания» *первое правило* наименовано «О Господе и Его теле» (Тихоний Африканский 2014, с. 4–9). Оно касается Христа и Церкви — главы и тела, раскрывая то, что Библия, говоря о Господе или Его теле, иногда относит к одному и тому же лицу. Первое правило позволяет различать: когда в Св. Писании не говорится в одном и том же лице и, соответственно, когда читателю нужно переходить от головы (от Господа Иисуса Христа, который также является Главой Церкви) к телу или от тела — к голове (Doc. Chr. III: 44).

Второе правило толкования именуется «О двойственном (двучастном) теле Господа» (*De Domini corpore bipartito*), однако к такому наименованию св. Августин относится с осторожностью, считая необходимым сосредоточить внимание читателя на том, что упомянутое «двойное тело» Господа не является истинным телом Господним на все времена. Потому и св. Августин считает необходимым переформулировать правило толкования: *истинное и неистинное (кажущееся — simulato, или смешанное — permixto) тело Господне*, «потому что лицемеры не только не будут с Господом в вечности, но уже и сейчас не находятся с Ним, даже если находятся в Его Церкви» (Doc. Chr. III: 45). Следовательно, второе правило Тикония может быть также переименовано в правило о «*смешанной Церкви*» (*Ibid.*). Действительно, иногда кажется, что Св. Писание как бы говорит ссылкой на то же самое лицо, к которому прежде было обращено слово, а между тем говорится уже о другом лице, или как бы говорит о тех же лицах, а между тем уже говорится о других, что будет означать, что данное правило толкования имеет в виду внимательного читателя библейских текстов (*Ibid.*), который в своем усердно внимающем понимании текста различает подразумеваемые в повествуемом лица. Согласно св. Августину истинное и смешанное тело своим *временным* соединением или соучастием в святом таинстве образуют *как бы* одно тело (*Ibid.*). Его пересмысленное и новоименованное использование этого правила толкования Тикония позволяет различать в них истинную или смешанную Церковь, когда Св. Писание говорит о ней, как о невесте (Песн. 1:4) или о рыбе (Мф. 13:47–48), одновременно хорошее и плохое, по причине их временного смешения в этом мире. Лишь кажется, что говорится об одном и том же, однако эти две составляющие не будут постоянно вместе, так как по пришествии Господь отделит плохого раба из среды добрых рабов.

Третье из своих правил, обучающих разумению и толкованию Св. Писания, Тихоний назвал «Об обетованиях и законе» (Тихоний Африканский 2014, с. 12–27), которое, по св. Августину, можно правильно переименовать в правило «*духа и буквы*» или «*благодати и заповеди*» (Doc. Chr. III: 46). По его наблюдению, в христианском учении концепция благодати предстает скорее как вопрос и даже тайна, нежели как некое правило и ответ на вопрос или разгадка тайн, непостижимых и неглаголуемых человеческому духу, мышлению и речению. И согласно св. Августину, несмотря на свое похвальное усердие и труд в решении вопроса о благодати, Тихоний не исследовал его полностью. Ибо «рас-

суждая о вере и делах, он говорит, что от Бога даются нам только дела в заслугу веры, но что сама вера зависит единственно от нас, а не есть дар Божий» (Doc. Chr. III: 47). И в качестве причине недопонимания Тиконием этого вопроса апостольского учения св. Августин называет то, что он с меньшим вниманием исследовал и вникал в учение и смысл высказанной апостолом Павлом мысли о вере: «Мир братиям и любовь с верою от Бога Отца и Господа Иисуса Христа» (Ефес. 6:23). Вместе с тем он также и смягчает свою оценку относительно неполного знания Тиконием христианского учения о благодати, мотивируя тем, что не в его время возникла пелагианская ересь. Иногда и появление лжеучения невольно может сделать современников гораздо внимательнее и деятельнее (Doc. Chr. III: 46) в поиске и разумении евангельской премудрости — в защиту и верности истинному христианскому учению. «Ибо надлежит быть и разномыслиям (ересям) между вами, дабы открылись между вами искусные» (1Кор. 11:19). Согласно признанию св. Августина, у него самого была возможность *верифицировать и переосмыслить* правило Тикония и даже *более адекватно его переименовать и использовать*, благодаря именно тому обстоятельству (коей возможности был лишен Тиконий), что к современным ему пелагианским раскольникам — как заблуждающимся и врагам, недопонимающим истинного учения христианства, — сам он противостоял и потому с большей сосредоточенностью и вниманием прочитывал и уразумевал евангельское учение о вере как даре Бога, Который распределяет каждому в известной мере, «и именно это от Бога дано вам через Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него» (Флп. 1:29)».

Тиконий Африканский среди семи правил толкования четвертое назвал правилом «О видах и родах», где под *«видом»* имел в виду *«части»*, а под *«родом»* — *«целое»* (Doc. Chr. III: 46). Согласно св. Августину, по отношению к Св. Писанию неуместны детально уточняющие споры диалектиков о виде и части и их взаимном различении друг от друга, ибо в Библии неоднократно высказывается не только об одном городе, но иногда равнозначно имеется в виду целая область, народ и государство. В своем повествовании Св. Писание, иногда приписывая Иерусалиму, Вавилону или некоему другому городу какое-либо свойство, по существу, характеризует его в таком качестве, что своей широкой референцией превосходит пределы означенных городов и их народонаселений, в своих атрибуциях имплицитно от их количества запредельно больший диапазон населенных мест и лиц, характерных уже для всей Иудеи, Египта, Ассирии или других стран, народов и даже всей вселенной и человечества, в сравнении с чем данные города и / или их жители образуют лишь часть (Doc. Chr. III: 47). В связи с этим святой отец приводит в числе прочих пример Соломона, кому в Св. Писании приписываются такие характеристики, референция которых более объемлющая, чем только его личность, что становится понятной и ясной тогда, когда мы рассматриваем Христа или саму Церковь, по отношению к которой Соломон — только часть (Ibid.).

В толковании св. Августина новый духовный Израиль отличается от древнего телесного Израиля, состоящего из одного народа, не благородством родины и ее генеалогией, а благодатным духом и разумом (Doc. Chr. III: 49). И пророки, адресуя изреченное старому Израиллю, переходили затем к новому Израиллю завуалированно, что становилось заметным и доступным лишь духовно бодрствующему уму, а не чувственному восприятию, хоть и казалось, что пророчествуют о старом. Итак, Св. Писание и, конкретно, пророчества адресатом исполнения божественного слова имели в виду Церковь, Господом очищенную от всякой скверны и пороков, освященную и собранную из всех народов в царство Христово — в *землю блаженных*, или «*землю живых*», дарованную отцам в наследство по Божьему непреложному обетованию (Ibid.). Согласно августиновской интерпретации в Св. Писании с *непреложностью божественного обетования и провидения* разъясняется, что та земля им *уже дана*, хотя отцы еще только верили, что она будет дана (Ibid.). Он сосредоточивает внимание прилежного читателя на то, что в Писании божественная благодать уже назвала ту землю дарованной, хоть и не родились пока те, кому она будет дана, ибо Богом уже было предназначено и предраспределено то, что должно быть в свое время. Конечно, ориентиром и высшим исполнением возможного толкования данного изречения Св. Писания является также и то, что это пророческое слово могло быть понято лишь тогда, когда наступит новый мир, новое небо и новая земля, где не будут жить нечистые и нечестивые (Ibid.). Воистину, воскресшие праведники после Суда будут жить во веки веков с Христом в Его вечном Царстве на обновленной земле с новым небосводом, который уже был дан им пророчеством с непреложностью божественного обетования. Оно (Вечное Царство) уже было дано отцам божественным обетованием, и они могли в принципе иметь как свое собственное только то, что разумная бессмертная человеческая душа может иметь навечно, что и унаследуют они через соответствующее время своими обновленными и воскресшими личностями. И вправду, *в соответствии с призыванием бытия человеческой самости как таковой, истинной и именно духовной собственностью может быть только то, что может иметь, не изменяя свою духовную природу, бессмертная разумная человеческая душа во веки веков* (Contra Academ. III: Saput 7, 20). Необходимо понять и констатировать, что изреченное пророчеством с *божественной* точки зрения, отличается от того же самого с *человеческой* точки зрения, что понимается и интерпретируется людьми как нечто, что будет потом, а Божьему разуму ясно как обещанное Своему народу с непреложным установлением исполнения Его слова, и таким образом, предрешенное уже преддано им, что и будет в свое время.

Тиконий назвал свое пятое правило «О временах», и оно было призвано помочь в раскрытии или по крайней мере правдоподобно предположить точное значение исчисления символической и / или скрытой формы времени в Св. Писании (Тихоний Африканский 2014,

с. 27–36; Doc. Chr. III: 50). Это правило толкования, по Тиконию, следует применять к двум случаям — синекдохе и законным, или определенным (*legitimis*), числам. Данное правило толкования позволяет разрешить кажущееся противоречие в исчислении, когда в Писании присутствует образ синекдохы, в котором необходимо понимать часть как целое или, наоборот, целое как часть (Doc. Chr. III: 50). Приводится и пример — присутствие в Евангелии двух видов исчисления дней после известного события до Преображения, в котором, однако, нет противоречия, так как в одном случае считывались только *полные* дни, а в другом случае считывались за целые дни и те два, которые являлись не полными, а лишь *частями* дней (Ibid.). И в качестве другого примера упоминается число дней от Распятия до Воскресения, в котором также часть полного дня принимается и исчисляется за полный день, и только таким образом обнаруживается упомянутая продленность трех дней и ночей, в течение которых Спаситель должен был быть, по Своему пророчеству, в сердце земли (Ibid.).

А законные или определенные числа, согласно Тиконию, это часто используемые в Св. Писании символические числа — семь, десять, двенадцать и т. д., которые также выражаются своим умножением — семьдесят, сто, сто сорок четыре, семьсот. Подобные числа своим значением раскрывают не только *время* длительности происшествя «событий и деяний», например семидесятилетнее пленение Израиля, или по духовному разумению — присутствие Церкви среди язычников, но и количество *людей*, например двенадцать апостолов в Евангелии и сто сорок четыре святых в Откровении (Doc. Chr. III: 51).

Шестое правило своего толкования Тиконий назвал правилом «Повторения» (*De recapitulatione*), или «*возвращения к ранее сказанному*», в темнотности Св. Писания найденного бодрствующим и зорким умом (Тихоний Африканский 2014, с. 36–40; Doc. Chr. III: 52). Библейские сюжеты, хоть и записанные в хронологическом порядке, повествуют произошедшие «события и деяния» последовательно, и иногда преднамерением возвращаются к уже рассказанным существенно значимым событиям или деяниям и, пересказывая ранее повествуемое, восполняют опущенные в них обстоятельства (Doc. Chr., III: 52). И если в этих случаях не применять вышеупомянутое правило толкования, то, не постигая точного смысла Св. Писания, можно легко попасть в заблуждение.

Седьмое и последнее правило Тиконий назвал правилом толкования «дьявола и его тела» (Тихоний Африканский 2014, с. 40–53), ибо дьявол есть глава и предводитель беззаконников, которые в этом смысле и составляют его тело, подлежащее вместе с ним осуждению и сожжению в вечном огне, в подобие и в противоположность Христу, потому что Он есть глава Церкви, которая составляет Его тело, и которая будет с Ним в вечном царстве славы (Doc. Chr. III: 55). Относительно этого правила толкования св. Августин утверждает, что, как и в первом

правиле толкования — *Господа и Его тела*, где было необходимо внимающим прочтением Св. Писания и ясно мыслящим разумением различать повествуемое относящееся к Господу или Его телу — Церкви, так и в седьмом правиле толкования надо различать сказанное о дьяволе. Ибо в Писании мысль иногда выражена так, что она относится не только или не столько к дьяволу, сколько к его телу, причем не только к его последователям вне Церкви, но и к тем, которые принадлежат ему и некоторое время находятся еще в Церкви, до их ухода из этой жизни или до окончательного отделения пшеницы от плевел (Ibid.).

**Заключение: констатация св. Августином
превалирующих возможностей аллегорий в Св. Писании
и интерпретаций в святоотеческой литературе в сравнении
с семью правилами Тикония Африканского**

Обобщая свое размышление и к самой Истине ориентирующее переосмысление семи правил толкования Тикония, св. Августин замечает, что, кроме правила «Об обетованиях и законах», все остальные в сущности относятся к толкованию аллегорически выраженного смысла в Св. Писании и учат, как понимать в повествуемом нечто другое, то есть как понимать иносказательно (тропами) выраженные язык или речь (Doc. Chr. III: 56). И все же св. Августин напоминает и призывает всех ищущих понимания и толкования мудрости Св. Писания постоянно помнить, что возможности *аллегорического выражения духовности, мудрости и самого божественного* в языке больше, чем модусы тропов, закрепленные в риторике или лингвистике. С признанием значимости семи правил толкования Тикония в способствовании понимания Св. Писания он также упоминает об их недостаточности для раскрытия в нем наставлений и таинств божественной премудрости, выражая свое несогласие с убеждением Тикония, что для познания глубинных смыслов предложенные им семь правил толкования самодостаточны и полны (Doc. Chr. III: 42–43). Ибо есть и другие правила толкования, не вошедшие в их число, и даже сам Тиконий часто не обращается к помощи ни одного из предложенных им семи правил в интерпретациях многих темных и затруднительных мест Св. Писания из-за отсутствия каких-либо нужд в их применении (Doc. Chr. III: 42). Подводя итог своим размышлениям над семью правилами толкования Тикония, св. Августин, герменевт и экзегет божественной премудрости по своему призванию и по истине самой благодати, особо отмечает множество тропов, используемых святыми авторами в библейских текстах, но пока что не утвержденных и не получивших названий в языкознании, а также подчеркивает превалирующие возможности интерпретации, которые были реализованы в трудах святых отцов, в том числе в его собственных трактатах, демонстрируя и сообщая всем превеликое множество библейских основополагающих правил толкования по сравнению с семью правилами толкования Тикония Африканского.

Список литературы

Григор Нарекаци, 1985. *Книга Скорбных Песнопений*. Ереван (на древнеарм. яз.). [Grigor Narekatsi, 1985. *The Book of Lamentations*. Yerevan (in ancient Armenian)].

Гуревич, А. Я., 1972. *Категории средневековой культуры*. М., 317 с. [Gurevich, A. Ya., 1972. *Categories of Medieval culture*. Moscow, 317 p. (in Russ.)] EDN: SGTAIN.

Кочарян, Р., 2006. *Философская герменевтика Ганса-Георга Гадамера*. Ереван (на арм. яз.). [Kocharyan, R., 2006. *The Philosophical Hermeneutics of Hans-Georg Gadamer*. Yerevan (in Armenian)].

Кочарян, Р., 2016. *Историко-научная концепция Мовсеса Хоренаци*. Ереван (на арм. яз.). [Kocharyan, R., 2016. *Historical and scientific concept of Moses Khorenatsi*. Yerevan (in Armenian)].

Кочарян, Р., 2018. Первичный и высший предмет изучения «Священной Герменевтики» св. Августина. *Эчмиадзин*, 10, с. 23–48 (на арм. яз.). [Kocharyan, R., 2018. The primary and highest subject of the study of the “Sacred Hermeneutics” of St. Augustine. *Etchmiadzin*, 10, pp. 23–48 (in Armenian)].

Кочарян, Р., 2019. Второродный и третьеродный предметы в целостном предмете исследования в концепции «св. Герменевтики» Св. Августина. В: *Философия в современном мире*, сборник статей, IX. Ереван, с. 88–107 (на арм. яз.). [Kocharyan, R., 2019. *The second- and third-degree subjects in the integral subject of research in the concept of St. Augustine's “Holy Hermeneutics”*. In: *Philosophy in the modern world*, collection of articles, IX. Yerevan, pp. 88–107 (in Armenian)].

Кочарян, Р., 2021. Интерпретация принципов и методов идентификации двузначностей священного писания: прямозначности и инозначности. *ВЕМ*, 4 (76), с. 150–179 (на арм. яз.). [Kocharyan, R., 2021. Interpretation of the principles and methods of identifying ambiguities: direct and allegorical meaning of the holy scriptures. *VEM*, 4(76), pp. 150–179 (in Armenian)].

Небольсин, А. Г., 2025. От внутренней брани к будущему миру. Об одном пренебрегаемом эсхатологическом концепте Тихония Африканца. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение*, 121, с. 11–29. [Nyebolszin, A. G., 2025. From the inner warfare to the future peace. On one neglected eschatological concept of Tyconius Afer. *St. Tikhon's University Review. Theology. Philosophy. Religious Studies*, 121, pp. 11–29 (in Russ.)] EDN: UOREVG, <https://doi.org/10.15382/sturI2025121.11-29>.

Небольсин, А. Г., Матерова, Е. В., 2016. Тихоний Африканский – толкователь Апокалипсиса. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология*, 3(48), с. 102–117. [Nyebolszin, A. G., Materova, E. V., 2016. Tyconius Africanus – Exegete Of The Apocalypse. *St. Tikhon's University Review. Series III: Philology*, 3(48), pp. 102–117 (in Russ.)] EDN: WJSVRH, <https://doi.org/10.15382/sturIII201648.102-117>.

Ориген, 1993. *О началах*. Новосибирск. [Origen, 1993. *About the beginnings*. Novosibirsk (in Russ.)].

Тихоний Африканский, 2014. *Книга о семи правилах для исследования и нахождения смысла Священного Писания*. М. [Tyconius Africanus, 2014. *The book is about seven rules for exploring and finding the Meaning of the Holy Scriptures*. Moscow (in Russ.)].

Шпет, Г. Г., 1989. Герменевтика и ее проблемы. *Контекст: литературно-теоретические исследования*, с. 231–268. [Shpet, G. G., 1989. Hermeneutics and its problems. *Context: literary and theoretical research*, pp. 231–268 (in Russ.)] EDN: WDFBVZ.

Andokova, M., 2015. Fusca sum et decora: The influence of Tyconius on Augustine's teaching of the Ecclesia Permixta. *Acta Universitatis Carolinae, Philologica 2 / Graecolatina Pragensia*, XXV, pp. 61–76.

Bonner, G., 1970. Augustine as Biblical Scholar. In: P.R. Ackroyd and C.F. Evans, eds. *The Cambridge history of the Bible*. Vol. 1. From the beginnings to Jerome. Cambridge, pp. 541–563.

Bright, P., 1988. *The Book of Rules of Tyconius: Its Purpose and Inner Logic*. Notre Dame.

Cosgrove, Ch., 2004. Toward a Postmodern Hermeneutica Sacra: Guiding considerations in choosing between competing plausible interpretations of Scripture. In: Ch.H. Cosgrove, ed. *The meaning We Choose Hermeneutical Ethics, Indeterminacy and Conflict of Interpretations*. London; New York, pp. 47–87.

Fredriksen-Landes, P., 1982. Tyconius and the End of the World. *Revue des Études Augustiniennes*, XXVIII, pp. 59–75.

Kannengiesser, Ch., 1994. Quintillian, Tyconius and Augustine. *Illinois Classical Studies*, 19, pp. 243–258.

Lubac, H. de, 1998a. *Medieval Exegesis: The four senses of scripture*. Vol. 1. Grand Rapids, Michigan; Edinburgh, 474 p.

Lubac, H. de, 1998b. *Medieval Exegesis: The four senses of scripture*. Vol. 2. Grand Rapids, Michigan; Edinburgh, 454 p.

Margerie, B. de, 1991a. *An introduction to the History of Exegesis*. Vol. 1. *The Greek Fathers*. Petersham, Massachusetts, 288 p.

Margerie, B. de, 1991b. *An introduction to the History of Exegesis*. Vol. 2. *The Latin fathers*. Petersham, Massachusetts, 161 p.

Margerie, B. de, 1991b. *An introduction to the History of Exegesis*. Vol. 3. *Saint Augustine*. Petersham, Massachusetts, 155 p.

Robinson, D. Ch., 2010. *The Mystic Rules of Scripture Tyconius of Carthage's Keys and Windows to the Apocalypse*, Toronto.

Sancti Aurelii Augustini, 1865a. *De Doctrina Christiana*, J.-P. Migne, Patrologia Latina (PL). Vol. 34, pp. 16–121.

Sancti Aurelii Augustini, 1865b. *Contra academicus*, J.-P. Migne, Patrologia Latina (PL). Vol. 32, pp. 906–958.

Sancti Aurelii Augustini, 1865b. *De genesi ad litteram imperfectus leber*, J.-P. Migne, Patrologia Latina (PL). Vol. 34, pp. 219–244.

Tyconius, 1894. “Liber regularum” (The book of rules of Tyconius), newly ed. by F.C. Burkitt. In: J.A. Robinson, ed. *Texts and studies contributions to Biblical and Patristic literature*. Cambridge.

Tyconius, 2017. *Exposition of the Apocalypse* (translated by F.X. Gumerlock, with introduction and notes by D.C. Robinson). In: *The Fathers of the Church, a new translation*. Vol. 134. Washington.

Об авторе

Ромик Хасибекович Кочарян, кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института древних рукописей (Матенадаран) им. Месропа Маштоца, Ереван, Республика Армения.

ORCID ID: 0000-0002-1337-3709

E-mail: kocharyan.romik@mail.ru

Для цитирования:

Кочарян Р.Х. Единая концепция «Герменевтики и экзегетики» Св. Августина и семь правил толкования Тикония Африканского // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17, №2. С. 40–57. doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-2.

ST AUGUSTINE'S CONCEPTION
OF SCRIPTURAL HERMENEUTICS AND EXEGESIS: SEVEN RULES
OF INTERPRETATION OF TYCONIUS THE AFRICAN

Romik Kocharyan

Matenadaran after Mesrop Mashtots Institute of Ancient Manuscripts,
53 Mesrop Mashtots Ave, Yerevan 0009, Armenia

Submitted on 05.11.2025

Accepted on 25.02.2026

doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-2

The Church Fathers, along with numerous ecclesiastical authors and theologians, consistently addressed the problem of interpreting the allegories of divine revelation and the divinely inspired narratives of the mysteries of divine wisdom contained in Holy Scripture. In their efforts to understand and explain scriptural narration, they identified fundamental interpretative patterns, formulated general principles and methods of exegesis, and, in many cases, developed comprehensive theories and coherent hermeneutical frameworks. Within the broader practice and cultural heritage of human oral and written linguistic activity, the problem of expressing the truth of being through either literal or allegorical meaning is universal and extends beyond divine realities and the sacred sphere alone. Holy Scripture, by revealing the history and meaning of divine creation, providence, and eternal salvation, conveys the truth of existence as a whole and of human spiritual life in particular. St. Augustine of Hippo, guided by his commitment to developing both the theory and practice of understanding and interpreting the allegories of Holy Scripture, turns to the seven rules of interpretation formulated by Tyconius the African. Through a critical and scholarly re-examination of the mystical significance of Tyconius's seven rules, Augustine offers a refined reinterpretation of their meaning and application to the allegories of Scripture, incorporating them into his own hermeneutical conception.

Keywords: *Holy Scripture, revelation, wisdom, hermeneutics, exegetics, allegory, understanding, interpretation, rules of interpretation, truth*

The author

Dr Romik Kocharyan, Associate Professor, Senior Research Fellow, Mesrop Mashtots Research Institute of Ancient Manuscripts, Yerevan, Armenia.

ORCID ID: 0000-0002-1337-3709

E-mail: kocharyan.romik@mail.ru

To cite this article:

Kocharyan, R., 2026, St Augustine's conception of Scriptural hermeneutics and exegesis: seven rules of interpretation of Tyconius the African, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 17, no. 2, pp. 40 – 57. doi: 10.5922/2225-5346-2026-2-2.

